

Иеродиакон НИКОН (Лысенко)

«ФОТИЕВО» КРЕЩЕНИЕ СЛАВЯНО-РОССОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРЕДЫСТОРИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Великое событие, совершившееся на днепровских берегах десять веков назад, память которого мы отмечаем как юбилей нашей Русской Православной Церкви, имело обширную предысторию. Без ее рассмотрения невозможно составить полное и ясное представление о духовном смысле и значении Крещения Руси в нашей истории и в истории Вселенской Церкви. Исторический эпизод, к рассмотрению которого мы обращаемся, — первое массовое крещение славяно-россов, связанное с именем святителя Фотия, Патриарха Константинопольского, и потому получившее в исторической литературе¹ наименование «Фотиево крещение Руси», — является одной из важнейших вех в этой предыстории.

События, связанные с первым крещением славяно-россов, нашли отражение в целом ряде исторических источников, являющихся важнейшими для изучения истории Юго-Восточной Европы в IX в. Это, прежде всего, такие известные византийские летописи, как Хроника продолжателей Феофана, Хроника Симеона Логофета, хроника Георгия-монаха, Хроника Скилицы Кедрина, Хроника Зонары. Сюда же примыкает анонимная Хроника, по фамилии своего издателя именуемая Хроникой Кюмона. Рассказ о тех же событиях содержится в Житии Патриарха Игнатия, составленном Никитой Пафлагонским, и в письме Иоанна, патриарха Антиохийского, императору Алексею Комнину. Важнейшие сведения содержатся также в двух беседах патриарха Фотия (860 г.) и его Окружном послании восточным патриархам (867 г.). На основании всех этих данных можно восстановить картину событий довольно подробно.

В июне 860 г., когда царствовавший в то время в Византии император Михаил III с войском и флотом отправился в поход против сарацин, у стен Константинополя внезапно появились корабли «свирепого варварского народа рос (ῥως)», «пришедшего от берегов северного Тавра» (т. е. с северного побережья Черного моря). Их насчитывалось около двухсот. Не встречая сопротивления, россы высадились на берег залива Золотой Рог и стали опустошать окрестности, а затем начали осадные работы под стенами города. Положение византийской столицы было критическим. «Жизнь наша догорала с последними лучами солнца, а заря бытия нашего поглощалась глубоким мраком смерти... вся надежда человеческая убыла из человека и единственная надежда оставалась только у Бога»², — рассказывает об этом дне очевидец событий — святитель Фотий. Император Михаил был извещен о происшедшем константинопольским епархом, но, по-видимому, недооценил размеры грозившей городу опасности, и хотя сам он возвратился в столицу, но войска с собой не привел. «Тогда мы, — продолжает патриарх Фотий, — оставшись без всякой защиты и не имея помощи от людей, вооду-

шевлялись надеждами на Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умиловить за грехи наши, Ее дерзновение призывали во спасение, Ее умоляли покрыть нас покровом Своим, как стеною нерушимую, и сдержат дерзость варваров, смирит их гордость, защитит отчаянный город и побороет за собственную паству Ея, когда Ея ризу носили все до одного со мною для отражения осаждающих и защиты осажденных, усердно совершали прилежные моления и литии; тогда по неизреченному человеколюбию, при Матернем дерзновенном ходатайстве, Божество приклонилось и гнев Его утих, и помиловал Господь достояние Свое. Поистине эта пречестная риза есть одежда Матери Божией. Носилась она вокруг этих стен: и неприятели, непостижимо как, обращали тыл свой. Покрывала она город: и насыпь их осыпалась, как по данному знаку. Приосеняла она осажденных: и осада неприятелей не удалась, сверх чаяния, которым они окрылялись. Ибо, как только девственная риза эта обнесена была по одной стене, варвары сняли осаду города, и мы избавились от ожидаемого плена и сподобились неожиданного спасения. Нечаянно было нашествие врагов, неожиданно совершилось и удаление их. Чрезмерно негодование Божие, но неизреченна и милость. Невыразим был страх от них, но презренно было и бегство их»³. Повествования летописей дополняют рассказ святителя Фотия о чуде Божией Матери. Согласно их сообщениям, 18 июня 860 г.⁴, когда патриарх Фотий во главе крестного хода обошел стены осажденного города и, приблизившись к морю, на глазах у неприятелей опустил в волны залива край ризы Божией Матери, взятой во Влахернской церкви, внезапно на море поднялась сильная буря. Флот россов стал терпеть бедствие, многие их ладьи были разбиты о скалы или, опрокинувшись, потонули. Это страшное чудо заставило россов не только немедленно снять осаду и отступить, но побудило их вскоре прислать в Константинополь посольство с предложением заключить с империей мир и союз и «просьбой сделать их участниками в святом крещении, что и было исполнено»⁵. Другое упоминание о принятии россам крещения содержится в знаменитом Окружном послании св. Фотия 867 г. Вслед за описанием крещения Болгарии (865 г.) Патриарх сообщает: «И не только этот народ (болгары. — *Н. Л.*) променяли прежнее нечестие на веру во Христе, но даже многими многократно прославленные и в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой так называемые россы, которые... возомнив о себе высоко, подняли руку против Ромейской державы. А в настоящее время даже и они променяли языческое нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную христианскую веру, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей наших, вместо ограбления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго перед тем. И до такой степени разгорелись в них желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобызают святых христиан с великим усердием и ревностью»⁶.

О походе русских дружин на Константинополь в 860 г. сообщает и наша начальная летопись «Повесть временных лет». Ее рассказ дословно повторяет известие Хроники Георгия Амартола. Единственным отличием является указание, что поход возглавляли Аскольд и Дир. О крещении, которое приняли россы после понесенного ими от бури бедствия, в русской летописи не говорится.

Известны некоторые греческие источники, которые передают историю нашествия россов и их крещения несколько по-другому. Один из них — жизнеописание императора Василия I Македонянина, составленное его вну-

ком Константином Порфирогенитом. Другой — Сказание о крещении россос, по имени издателя получившее название «аноним Бандури»⁷. Этот источник интересен в особенности тем, что в нем упоминается составитель славянской письменности святой Кирилл, который был послан императором вместе с неким епископом к россам, чтобы по их просьбе крестить и привести к благочестию этот народ. Правда, оба эти источника относят крещение россос к царствованию Василия Македонянина, и можно предположить, что речь идет о каком-то другом крещении россос, не связанном с деятельностью патриарха Фотия. Однако, если учесть, что император Василий I, до того как в 867 г. сверг Михаила III, был некоторое время его соправителем, и вполне возможно, что события, происходившие в конце царствования Михаила III, могли быть отнесены авторами к началу царствования Василия I⁸. Еще одним важным свидетельством совершившегося во второй половине IX столетия крещения россос является упоминание в списке епархий Константинопольского патриархата, являющемся приложением к Церковному уставу императора Льва VI Мудрого (899 г.), Росской митрополии⁹. Она стоит в этом списке на одном из последних мест, что явно говорит о недавнем времени ее возникновения. О дальнейшей судьбе этой митрополии прямых указаний в источниках не сохранилось, однако анализ некоторых исторических свидетельств, о которых речь будет ниже, позволяет некоторым авторам предполагать, что иерархия, основанная у россос патриархом Фотием, просуществовала до конца X в.

История «Фотиева» крещения россос в течение длительного времени была предметом острой полемики в литературе, посвященной средневековой истории Юго-Восточной Европы. Имеющиеся письменные источники не содержат однозначного ответа на вопросы: кто были упоминаемые в них россос по этнической принадлежности и где была их родина? Исследователи различно интерпретировали исторические свидетельства о россос, крестившихся при патриархе Фотии, в зависимости от того, какова была их точка зрения на вопрос о происхождении наименования «Русь». Несколько поколений сторонников так называемой «норманнской» теории происхождения русской государственности и культуры (Г. Байер и А. Шлёцер в XVIII в., И. Ф. Круг и А. А. Куник в XIX в., И. В. Бьюри и А. А. Васильев в первой половине XX в. и Д. Чижевский, Д. Оболенский и др.¹⁰ в наше время) считают, что под россосами источники подразумевают норманнов, пришедших из Швеции. Ф. К. Брун, В. Г. Васильевский¹¹ и некоторые другие исследователи видели в россосах крымских готов. В обеих этих интерпретациях события, связанные с крещением россос, представлялись достаточно случайными и не имеющими серьезных исторических последствий. Д. И. Иловайский, Е. Е. Голубинский, М. С. Грушевский, В. А. Пархоменко, В. А. Мошин, А. В. Карташев, Н. Андреев, Г. Вернадский и другие авторы¹² являются сторонниками так называемой «теории Тмутараканской Руси». Согласно их мнению, крестившимися в 60-х гг. IX в. россосами были жители сильного княжества с центром в Тмутаракани, распространявшего свое влияние на Крым и Приазовье. При этом одни из исследователей считали россос норманнами (Е. Е. Голубинский, В. А. Мошин), другие настаивали на том, что это были славяне (Д. И. Иловайский, В. А. Пархоменко и др.), а третьи полагали, что это была «варяжско-славянская сложная народность» (А. В. Карташев). Основным доводом сторонников данной теории было утверждение, что Тмутараканское русское княжество, известное с XI в., не могло возникнуть на пустом месте. Однако гипотеза эта не была достаточно убедительно под-

тверждена ни данными письменных источников, ни тем более археологическим материалом, так как территория, на которой могла располагаться «Тмутараканская Русь», до недавнего времени в археологическом отношении оставалась почти совершенно неизученной.

Ряд исследователей, в разное время рассматривавших исторические свидетельства о крещении россов (митрополит Макарий (Булгаков), М. Д. Приселков, академик Б. Д. Греков, М. В. Левченко, академик Б. А. Рыбаков, профессор МДА И. Н. Шабатин, академик Х. Ловмянский (ПНР) и др.¹³, считали, что под россами следует понимать днепровских славян и что крещение россов, о котором говорят источники, происходило в Киеве.

Почти все авторы, обращавшиеся к проблеме «Фотиева» крещения, рассматривали его как событие, важное в истории распространения христианства на Руси, не имевшее, однако, столь существенного значения, чтобы можно было говорить о его месте в истории Вселенской Церкви. Первым, кто обратил внимание на возможную связь истории крещения россов и духовно-просветительской миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия среди славянских народов, был академик В. И. Ламанский¹⁴. На основании критического разбора Паннонского жития святого Кирилла этот исследователь пришел к выводу, что знаменитая хазарская миссия святых братьев была в действительности русской миссией. По мнению В. И. Ламанского, святые Кирилл и Мефодий побывали в 861 г. в Киеве, и под воздействием их проповеди киевские россы, которые недавно еще осаждали Константинополь, приняли крещение. Точку зрения В. И. Ламанского разделял А. В. Карташев¹⁵. Наличие связи между походом россов на Константинополь, хазарской миссией Константина Философа (святого Кирилла) и крещением россов, упомянутым в Окружном послании патриарха Фотия 867 г., отмечает академик Б. А. Рыбаков¹⁶.

Существующая на сегодняшний день научно-историческая литература по проблеме крещения россов в IX в. оставляет неразрешенными довольно много вопросов. Наряду с недостатком свидетельств письменных источников и почти полным отсутствием источников археологических важной причиной этого была тенденция рассматривать данное событие в достаточно узком историческом контексте, преимущественно в связи с вопросом о происхождении наименования «Русь». Церковно-историческое значение «Фотиева» крещения почти полностью выпало из поля зрения большинства исследователей, в том числе и таких специалистов по русской церковной истории, как Е. Е. Голубинский, М. Д. Приселков и др. Принятие христианства неким «народом рос», этническая принадлежность которого остается достоверно невыясненной, может рассматриваться как изолированное, достаточно случайное событие, если только не брать во внимание очевидную связь между ним и событиями, происходившими в это время в жизни Вселенской Церкви. Уже в самом наименовании — «Фотиево» крещение — содержится указание, что оно само по себе не является произвольным обозначением. Наш знаменитый богослов и историк профессор протонерей А. В. Горский писал: «Тот же патриарх, при котором положено начало перевода на славянский язык Священного Писания и при котором последовало первое отделение Церкви Римской от Православной Восточной, — тот же патриарх дает первых просветителей первым князьям русским, изъявившим желание принять святое Крещение»¹⁷.

Для Вселенской Церкви VIII—IX века были временем тяжелых испытаний. Никогда — ни прежде, ни впоследствии — мусульманская экспансия

не представляла столь серьезной угрозы самому существованию христианского мира, как в этот период. Наиболее разрушительный удар исламских завоевателей испытал на себе Православный Восток. Трагизм положения усугублялся возникновением в то же самое время иконоборческой ереси, целое столетие раздиравшей Константинопольский патриархат. На Западе римский епископат, связавший свои интересы с возникшей в VIII в. империей Карла Великого, стал определять себя как власть духовно-государственную, претендуя на главенство во Вселенской Церкви и тем разрушая равенство прав между Поместными Церквями, установленное святыми апостолами.

Но когда над Церковью нависла смертельная угроза, в ней явлена была и сила Божия, в немощи совершающаяся. В этот именно период в церковной среде народились и подготовились люди с обостренным духовным зрением и широким кругозором, влияние которых придало истории не только Византии, но и обширного региона окружающих ее народов совершенно особый характер. Они сумели понять, что православный Восток может выдержать неравную борьбу с мусульманским миром только в том случае, если он сумеет привлечь к себе пробуждающееся к исторической жизни славянство, если Константинополь станет центром новой общности народов, объединенных Православием и высокодуховной византийской культурой.

Во главе этих людей встал Константинопольский патриарх Фотий — человек, в котором истинная святость жизни соединялась с огромной научной одаренностью и прекрасными организаторскими способностями. Главную цель своей многосторонней и необычайно плодотворной деятельности он видел в том, чтобы возвысить церковное самосознание Православного Востока, укрепить его авторитет, сильно пошатнувшийся в эпоху иконоборческой смуты, сделав торжество Православия воистину Вселенским. Особое значение в этом он придавал делу православной миссии среди язычников и среди христианских народов, отпавших от вселенского церковного единства. Святитель Фотий видел в исторической жизни Церкви два периода: первый — оканчивающийся Седьмым Вселенским Собором и знаменующий победу Церкви над ересями, учреждением празднования торжества Православия; второй — «внушающий лучшие мысли и упования» вследствие начавшегося обращения к христианству множества языческих народов, находившихся доселе вне пределов экумены. В первый период патриаршества святителя Фотия совершилось крещение Болгарии, возвратилась в лоно Православия значительная часть армян, началась великая миссия святых Кирилла и Мефодия. Избрание и отправление на проповедь святых братьев и разрешение вопроса о применении славянского языка в богослужении и о переводе Священного Писания составляют вечные заслуги святителя Фотия. Восприятие Священного Писания и Божественной литургии на родном языке имело для славян неопределимое историческое значение. Славянский язык, став языком Церкви, освящал всю культуру, способствовал тому, что православная церковность в течение многих веков была основой всего строя жизни южно- и восточнославянских народов. Славяне, приобщаясь к европейской цивилизации, чувствовали примитивизм и ложность языческих религиозных представлений и искали истины, отвечающей на возвышенные запросы человеческой души. Они сами просили обращения, но выбор при этом не был обусловлен слепой случайностью. Положительное отношение Восточной Церкви к вопросу перевода Священного Писания и церковной службы на язык народа, к которому обращена была проповедь, сделало в их глазах очевидным нравственное превосходство Православия перед католичеством,

чем и определило этот выбор. Дело святителя Фотия, равноапостольных Кирилла и Мефодия, их учеников и многих других, оставшихся безымянными, православных миссионеров той эпохи было прямым продолжением деяний святых апостолов, миссии Вселенской Церкви, совершающейся не усилиями человеческими, но силою Духа Святого.

Славянские Жития святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, открытые в середине XIX в. профессором протоиереем А. В. Горским, в основу которых, по мнению исследователей¹⁸, легли отчеты самих святых братьев о их миссионерской деятельности и другие их произведения, содержат довольно подробные сведения о так называемой хазарской миссии святых Кирилла и Мефодия. Есть упоминания о ней и в других источниках, освящающих духовно-просветительские труды святых братьев.

Время начала хазарской миссии может быть предположительно определено концом 860 г., так как, согласно сочинению Гавдериха, епископа Велетрийского (кстати, лично знавшего святых Кирилла и Мефодия), получившему в научной литературе по кирилло-мефодиевской миссии название «Итальянская легенда», говорится, что 30 декабря 860 г. святой Кирилл уже находился в Херсонесе¹⁹.

Началась эта миссия так. К императору Михаилу III прибыли послы от хазар, которые изложили просьбу своего правителя-кагана прислать в Хазарию миссионера, который мог бы помочь решить якобы происходящий в этой стране спор о выборе веры. «От начала знаем лишь единого Бога, который стоит над всеми, и ему кланяемся на восток, в остальном держась своих постыдных обычаев, — говорили послы, согласно Житию святого Кирилла. — Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины, предлагая мир и дары многие, принуждают нас принять свою веру, говоря: «Наша вера — лучшая среди всех народов». Из-за этого посылаем к вам... ибо вы — великий народ, от Бога царство держите. Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин, то примем вашу веру»²⁰. Император, посоветовавшись с патриархом²¹, избрал для отправки в Хазарию Константина Философа и брата его Мефодия. Во главе духовной миссии святые братья сначала прибыли в Херсонес, где провели довольно много времени. Далее Житие повествует о том, как святой Кирилл, «сев на корабль, направился в Хазарию к Меотидскому озеру и к Каспийским воротам Кавказских гор»²². Прибыв ко двору хазарского кагана, святой Кирилл участвует в богословском диспуте, длившемся несколько дней, в результате которого он «ниспроверг наземь всю гордыню» своих противников, иудейских книжников, и изобличил ложность магометанского вероучения. Согласно Житию святого Кирилла, хазары, убедившись в истинности христианской веры, сказали: «Не враги мы себе, и так повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по воле, если пожелает. А тот из вас, кто на запад кланяется или еврейские молитвы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет»²³. Двести человек из них приняли святое Крещение. Написал же к цесарю каган такое письмо: «Послал к нам (ты), владыка, такого мужа, что показал нам христианскую веру и (догмат) Святой Троицы словом и делами. И познали, что это вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому же придем. Все мы — друзья и приятели твоего царства и готовы (идти) на службу твою, куда захочешь»²⁴.

Такое описание событий вызвало серьезное недоумение у многих исследователей. Хорошо известно, что хазарская аристократия приняла иудаизм

около 809 г., и нет никаких оснований предполагать, что в 861 г. у кагана и его двора могли быть колебания в выборе веры. При этом следует иметь в виду, что принятие иудаизма было для хазар актом государственного самоутверждения, демонстрировавшего претензии Хазарского каганата на роль великой державы, равной по своему достоинству православной Византии и мусульманскому халифату. Обращение хазар в христианство и запрещение иудейского и мусульманского исповеданий, о котором сообщает Житие святого Кирилла, было бы решительным переворотом во всей государственной жизни Хазарии. Столь великое событие не могло не оставить следа в исторических источниках того времени, однако в действительности мы этого не находим. Столь же невероятным представляется обращение кагана к византийскому императору с выражением готовности служить ему.

Академик В. И. Ламанский предположил, что первоначальный текст Жития святого Кирилла значительно искажен моравскими редакторами X—XI вв., которые из патриотизма сделали в тексте Жития вставку о чудесном составлении славянских письмен, происходящем сразу после того, как князь Ростислав просит у императора прислать ученого мужа, способного изложить христианское вероучение на славянском языке, и это поручение возлагается на святого Кирилла. По мнению В. И. Ламанского, правильная датировка времени создания славянской письменности содержится в Сказании черноризца Храбра «О письменах», это — 855 г. Упомянутое в Житии святого Кирилла хазарское посольство было, как считал В. И. Ламанский, тем самым посольством, которое после чуда 18 июня 860 года прислали россы, прося о мире и выражая желание принять крещение, именно потому, что россы эти были славянами. Во главе миссии, направляемой к ним, был поставлен святой Кирилл. В одной из редакций Жития святого Кирилла XIV—XV вв. говорится, что Кирилл упросил Мефодия «сопутствовать ему к казарам, зане умяеше язык словенск»²⁵. В пергаментном Прологе Спасо-Прилуцкого монастыря, в кратком Житии святого Мефодия, содержится аналогичное указание, при этом святой Мефодий именуется «учителем русским»²⁶. Несомненным доказательством того, что миссия святых братьев была направлена к славяно-россам, В. И. Ламанский считал указание на то, что запись беседы святого Кирилла с иудейскими книжниками во время пребывания его при дворе кагана была переведена на славянский язык святым Мефодием²⁷. «К чему бы служил такой перевод, если бы Мефодий не имел в виду оставить Хазарам, исповедовавшим частью магометанство, частью иудейство, и подвластным им славянам на письме выводы, которыми Кирилл в беседах и прениях своих опроверг учение мулл и раввинов?»²⁸ Ведь перевод такого сочинения для других славян, особенно в ту эпоху, не имел бы никакой цели, и, конечно, Мефодий не взялся бы за него впоследствии ни в Болгарии, где ему приходилось проповедовать христианство язычникам, ...ни в Моравии, где опять-таки нужна была не полемика с жидами и магометанами, а работа для искоренения языческих верований и борьба с западным духовенством»²⁹. Из всех этих аргументов у В. И. Ламанского следовал вывод о том, что братья из Херсонеса направились непосредственно в Киев, ко двору Аскольда, где ими и было совершено первое Крещение Руси³⁰. Вывод этот представляется весьма произвольным. По словам Жития, из Херсонеса святой Кирилл направился в Хазарию на корабле «по Меотидскому озеру (Азовскому морю. — *И. Н.*) и к Каспийским воротам Кавказских гор», т. е. не на запад, а на восток. По мнению крупнейшего специалиста по истории хазар М. И. Артамонова, от Азовского моря святой Кирилл поднялся

по Дону до переволоки на Волгу, затем по Волге он спустился к Итилю, столице Хазарского каганата, но кагана не застал, так как он летнее время проводил в южной части своего государства. Далее путь святого Кирилла, как считал М. И. Артамонов, лежал морем в направлении прохода между Кавказскими горами и морем, называемого в древности Каспийскими воротами, где находилась вторая столица Хазарского каганата, город Семендер³¹. Как предположил Г. Вернадский³², с мнением которого в данном случае был согласен и М. И. Артамонов³³, этот путь представлял не что иное, как «путь русов», о котором писал арабский географ Ибн-Хордабех³⁴. Сочинения восточных географов и путешественников IX—X вв. содержат довольно многочисленные сообщения о «русах», упоминаемых в числе народов, населявших Хазарский каганат. Ибн-Хордабех и ряд других авторов, пересказывавших сведения из его труда «Книга путей и государств», написанного в 60-х гг. IX в., считали, что русы — одно из славянских племен³⁵. Автор анонимного географического сочинения на арабском языке «Области мира», относящегося также к IX в., пишет: «К востоку от этой страны (русов. — *И. Н.*) лежат горы печенегов. К югу от нее река Дуна³⁶, к западу — славяне. К северу — необитаемые страны. Это — обширная страна, ее жители обладают дурным характером, неподатливы, держатся вызывающе, сварливы и воинственны. Они воюют со всеми своими соседями и одерживают победы. Их царя зовут рус-хакан... Среди русов живет часть славян, которая в услужении у них»³⁷. Идриси и Магреби именуют Дон «Рекой русов»³⁸, Аль-Масуди называет Черное море морем Русов³⁹. Интересно отметить, что наименование Черного моря Русским мы встречаем и в нашей первоначальной летописи — «Повести временных лет»⁴⁰. «Путь русов», упоминаемый Ибн-Хордабехом, шел по Дону до переволоки на Волгу и далее через Каспийское море в мусульманские страны Среднего Востока. Этим путем русы вывозили на восток свои товары — мех бобров и чернобурых лисиц. По этому же пути отправлялись они в грабительские набеги на города Каспийского побережья.

Некоторые исследователи⁴¹ обратили внимание на то, что на дошедших до нашего времени картах Черноморского и Азовского побережья, составленных итальянскими моряками в XIII—XIV вв., Дон наименован *Fiume Rossa*; на левом его берегу обозначена якорная стоянка *Cassar de li Rossi*. Топонимы с корнем «*ros*» встречаются на этих картах также на западном побережье Крыма и на Тендерской косе в устье Днепра. Византийские географы и историки IX—X вв. считали Тендерскую косу, называемую *Αχιλλεϊοῦ δρομῶς* («Ахиллесов бег»), родиной тавроскифов, к числу которых они относили народ «росс»⁴², именуемый также «росс-дромиты»⁴³. Этот этноним в X столетии усваивается византийскими авторами для обозначения жителей Киевской Руси⁴⁴. Сопоставив арабские и греческие письменные источники с данными топонимики, можно утверждать, что не позднее первой половины X в. в Западной Таврии, Северном и Восточном Приазовье обитал хорошо известный своим соседям народ, который арабы называли «русами», а византийцы именовали «тавроскифами», народом «росс» или «росс-дромитами».

Как уже говорилось, некоторые мусульманские источники указывают, что правитель живущих в Приазовье русов носит титул «хакан (каган) рус». Интересно сопоставить это указание со свидетельством «Бертинских анналов» — источника, пользующегося полным доверием у исследователей, о неких посланцах «народа рос» (*ghos*), прибывших в 839 г. в Идельгейм вместе с византийским посольством. Согласно источнику, они, «по их словам, были

направлены... царем их, называемым каганом, ради дружбы»⁴⁵. Существуют некоторые исторические свидетельства, говорящие о том, что титул «каган» (хакан) был одним из титулов русских князей в X—XI вв. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона говорится: «Похвалим же и мы по силе нашей великого кагана нашего Владимира». В «Слове о полку Игореве» каганом назван Олег Святославич, князь Черниговский и Тмутараканский. В киевском Софийском соборе найдены гриффити XI—XII вв.: «Спаси, Господи, кагана нашего»⁴⁶. По мнению А. П. Новосельцева, титул «хакан» (каган) был принят русскими князьями уже в первой половине IX в.⁴⁷, и этот факт можно рассматривать как свидетельство активной роли славянского этнического элемента в политической жизни Хазарии⁴⁸.

Хотя археологические памятники Приазовья, относящиеся к эпохе Средневековья, все еще довольно слабо изучены, ряд археологических открытий последних десятилетий свидетельствует, что славянское население впервые появляется здесь уже в конце VIII в. В результате исследований И. И. Ляпушкина⁴⁹, М. И. Артамонова⁵⁰, В. С. Флерова⁵¹ обнаружено несколько памятников VIII—IX вв., материальная культура которых близка по своему облику к роменско-боршевскому типу, характерному для славянских поселений того же времени в Поднепровье. Особый интерес представляют следы наличия славянского населения в IX в. в таких крупных центрах Хазарского каганата, как Таматарха (Тмутаракань) и крепость Саркел (Белая Вежа) на Дону. Помимо того, археологические памятники VIII—IX вв., материал которых свидетельствует о существовании славян и носителей салтово-маяцкой культуры, обнаружены на побережье Крыма⁵². Один из них — поселение на юге Тарханкутского полуострова — обозначен на итальянской карте Беннинказы как «Rossofar», что может быть прочитано как «Росский маяк». Археологической экспедицией А. Н. Щеглова в конце 1960-х гг. здесь были обнаружены остатки маяка, современные поселению⁵³. Хотя некоторые исследователи интерпретируют поселение на юге Тарханкутского полуострова как относящееся по материальной культуре однозначно к салтовскому типу⁵⁴, эта находка говорит о занятии его жителей и мореплаванием, что было совершенно не свойственным для носителей салтовской культуры — алан и болгар. Вполне вероятно, что маяк, получивший надолго сохранившееся название Росского, был действительно сооружен воинственными мореплавателями — славяно-россами.

Археологическими разведками В. И. Чалого 1980—1981 гг. в дельте Дона, к юго-востоку от хутора Рогожкино, т. е. приблизительно в том месте, где мог располагаться отмеченный на итальянских картах пункт «Cassar de li Rossi», обнаружено средневековое поселение и грунтовый могильник. В числе случайных находок местного населения в районе могильника есть нательные кресты византийского типа, которые могут быть датированы IX в.⁵⁵ Не исключено, что именно это поселение известно арабам в IX—X вв. как «город Русия при устье реки Русов»⁵⁶, также упоминающийся в греческих документах, относящихся к XII в., как Россия (Ρωσία)⁵⁷.

Сторонники теории «Тмутараканской Руси» считали, что славяне в Причерноморье образовали в VIII в. государство, которое было единым, могущественным и не зависимым ни от Хазарии, ни от Киева. Однако для таких выводов нет достаточных оснований. Напротив, большая территориальная разбросанность славянских поселений (от Тендерской косы в устье Днепра до устья Чира — правого притока Дона) и неизменное их расположение на полуостровах морского побережья и речных устьях говорят скорее о том, что

эти поселения были опорными пунктами для морских набегов, а, возможно, вместе с тем и торговыми факториями⁵⁸, созданными дружинами воинственных днепровских славян. Находясь на территории Хазарского каганата, славянские колонии вряд ли могли быть совершенно независимы от этой могущественной державы. Однако известно, что Хазарский каганат не был централизованным государством, а представлял собою обширную федерацию племен, сохранявших в неприкосновенности свою внутреннюю организацию и даже значительную степень внешнеполитической самостоятельности в пределах подчинения верховной власти хазарского кагана⁵⁹. Этим, может быть, и объясняется то обстоятельство, что славяно-россы не только стремились совершить набег на столицу дружественной Хазарии Византийской империи, но и установить с нею затем самостоятельные дипломатические отношения.

Если предположить, что анализ текста Паннонского Жития, произведенный В. И. Ламанским, верен, что его редактор ошибочно назвал россов хазарами, а их правителя — «рус-кагана» — принял за верховного правителя Хазарии, то история миссии святых Кирилла и Мефодия 860—862 гг. предстает в новом свете.

После неудачи похода 860 г. на Константинополь, пораженные чудом, прошедшим на их глазах, россы, добравшись до своих опорных баз в Крыму или в районе Ахиллесова бега, направляют к византийцам посольство с просьбой «сделать их участниками в святом крещении». Это, зафиксированное в византийских летописях как посольство «россов, живущих у Северного Тавра», в славянском тексте Жития святого Кирилла фигурирует как хазарское. Возможно, оно и было состоящим как из славян, так и из хазар, стремившихся урегулировать отношения с империей после набега россов. Святой Фотий не мог не увидеть в этом обращении варваров, произведенном чудом, которое совершилось по его молитве (кто знает, может быть, и о враждебности врагов молил Богородицу тогда Святитель), знамение Божественного Промысла. Именно поэтому, возможно, он избирает для далекой и опасной миссии своих лучших учеников и помощников — Кирилла и Мефодия, хотя, конечно, знание святыми братьями славянского языка тоже играло здесь очень важную роль. О том, какие именно местности Хазарии посетила миссия святого Кирилла после прибытия в Крым, можно строить только гипотезы. Очевидно, что если она и добралась до Семендера, ставки кагана, и богословский диспут действительно происходил в этом городе, то все же решение хазарского кагана оказывать покровительство христианам и запретить иудейское и мусульманское исповедания, а также высказанное им выражение вассальной преданности византийскому императору совершенно невероятны. Согласно Житию святого Кирилла, каган отпускает на родину 200 греческих пленных, однако, как известно, Византия и Хазария никогда не находились в состоянии войны, поэтому наличие греческих пленников в Семендере, на берегу Каспийского моря, представляется также маловероятным. Гораздо более вероятно представить, что все это было совершенно не великим хазарским каганом в его столице, а «рус-каганом», т. е. князем воинственных россов, где-нибудь на берегах Дона, что на месте хазар были россы, которые несколько месяцев назад совершили отчаянный набег на Константинополь, захватив много добычи и пленных, а теперь, убежденные в том, что «дал Бог власть над народами христианскому кесарю и самую лучшую веру из всех»⁶⁰, были готовы прогнать и иудейских, и мусульманских проповедников, отпустить пленников и предложить Византии свои услуги

в качестве наемного войска. Совершенно то же самое говорит патриарх Фотий в своем Окружном послании 867 г. о росссах, которые, быв прежде врагами империи, ныне, приняв крещение, «поставили себя в чине подданных и друзей наших». Исходя из всего этого, можно предположить, что описание спора святого Кирилла с иудеями при дворе хазарского кагана, содержащееся в X главе Жития, и описание спора Кирилла уже только с одними хазарами, происходившего якобы на другой день и помещенного в XI главе, представляют собой соединение рассказов о событиях, происходивших в разных местах и в разное время. Известно, что автор Жития пользовался в качестве источника отчетами самого святого Кирилла о его миссии, и нет ничего невероятного в том, что редактор мог сознательно или в результате ошибки составить из двух отчетов — одного об обращении росссов в христианство и другого о богословском диспуте при дворе кагана в Семендере — одно повествование. Некоторое указание на то, что события, описанные в XI главе Жития, происходили не в приморском городе Семендере, а в славяно-росском селении на берегу реки (скорее всего Дона. — *И. Н.*), можно усмотреть во фразе, которую произносит советник кагана в заключение спора святого Кирилла с «приятелями евреев»: «С Божией помощью гость этот ниспроверг наземь всю гордыню сарацинскую, а вашу отбросил на иной берег реки, как нечто нечистое». Употребленное здесь сравнение было бы вполне уместным, если бы спор шел под открытым небом, на речном берегу, и звучит довольно странно, если представить, что он происходил в городском дворце, в приморском городе, где поблизости нет большой реки. В пользу предположения об успешной миссионерской деятельности святого Кирилла среди славян, а не среди хазар говорит и указание епископа Веллетрийского Гавдериха о том, что посольство в Константинополь 862 г. с просьбой прислать учителя, который мог бы научить моравских славян читать Священное Писание, князь Ростислав присылает, «услыхав о том, что сделано Философом (т. е. святым Кириллом) в Хазарии»⁶¹.

Дальнейшую историческую судьбу крещенной «Приазовской Руси» почти невозможно проследить, так как исторических свидетельств о ней практически не сохранилось. Мы знаем лишь, что около 889 г. Росская митрополия еще существовала. Может быть, ее имел в виду папа Иоанн VIII, который в своей булле 972 г. свидетельствовал, что у русских, как и у болгар, богослужение совершается на славянском языке⁶², хотя, возможно, речь шла о русских, принявших христианство при святой Ольге. Вообще надо принять во внимание, что россы, крестившиеся в 60-х годах IX в., были в большинстве своем дружинниками, проводившими всю жизнь в боевых походах. Многие из них являлись профессиональными наемными воинами, часто переходившими от одного князя к другому. Трудно предполагать, что первая русская община при этих условиях могла быть стабильной и долговечной. И все же «Фотиево» крещение было событием, не только получившим широкую известность на Руси, но и прочно вошедшим в историческую память народа. Митрополит Макарий (Булгаков) отмечал: «В протяжении многих веков у нас единодушно была повторяема весть, что в первый раз Русь крестилась при патриархе Фотии и что от Фотия прислан был к нам первый епископ. Мало того: имя Фотия, как первого насадителя святой веры в нашем отечестве, до того врезалось в памяти русского народа, что даже все последующие крещения, бывшие при святой Ольге и святом Владимире, обыкновенно были приписываемы у нас, разумеется, по ошибке, тому же самому Фотию»⁶³. Однако содержащиеся в летописях (Летопись новгородских владык; Никоновская

летопись и др.) и Церковном Уставе святого Владимира указания о том, что он, Владимир, от Константинопольского патриарха Фотия взял «первого митрополита Киеву», могут быть рассматриваемы и не как ошибка, а как свидетельство того, что упоминаемый архиерей принадлежал к русской иерархии, учрежденной святым Фотием в IX в.

Довольно трудно разрешимым остается вопрос, почему русские летописи связывают поход 860 г. с именами Аскольда и Дира, тогда как греческие источники, сообщающие об этом походе и о крещении россов, последовавшем после него, ни слова не говорят об этих князьях. Представляется, что этот факт можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что «Фотиево» крещение произошло не в Киеве, а в Приазовье. Можно предположить, что после бури у берегов Босфора часть разметанного русского флота в главе с князьями могла, поднявшись по Днепру, возвратиться в Киев, тогда как другая часть кораблей, особенно сильно пострадавших от бури, повернула в сторону русских колоний на Черноморском побережье и в Приазовье, чтобы там устранить повреждения и пополнить команду. Именно та часть дружины, которая была на этих кораблях, направила посольство в Константинополь. Возможно, этим объясняется и то, что киевская летопись умалчивает о «Фотиевом» крещении и то, что византийские хронисты, знающие о крещении россов, не знают имен русских князей, возглавлявших поход.

Крещение славяно-россов в 60-х годах IX в. было одним из звеньев неразрывной цепи событий, знаменовавших начало дела великой духовной и исторической значимости — присоединения славянства к миру народов Православного Востока. «Время образования Церкви Русской и обстоятельства происхождения ее указывают на высокое назначение, которое предназначено ей в истории Церкви Вселенской»⁶⁴, писал А. В. Горский. Теперь мы убеждаемся в глубокой справедливости этих слов. Они же обращают нас к мысли о высокой ответственности, которую возлагает на нас, чад Русской Православной Церкви, это особенное избрание и призвание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Макарий (Булгаков)*, архимандрит. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1846, с. 226.

² *Порфирий (Успенский)*, архимандрит. Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского и рассуждения о них. СПб., 1864, с. 25.

³ Там же, с. 23—24.

⁴ Точную датировку установил по греческим источникам К. де-Боор (В о о г К. de. Der Angriff der Rhos und Byzanz. «Byzantinische Zeitschrift», Leipzig—München, 1895, Bd. 4, S. 459. Библиография по этому вопросу в кн.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 48.

⁵ Об этом сообщает Хронограф Кедрина и Хронограф продолжателей Феофана. Цит. по кн.: *Макарий (Булгаков)*, архим. Указ. соч., с. 212.

⁶ *Платонов Н. В.* Патриарх Фотий. М., 1891, с. 143—144.

⁷ Текст Сказания переведен Е. Е. Голубинским и приводится в его «Истории Русской Церкви», т. I, ч. I. Изд. 2-е. М., 1901, с. 218—219.

⁸ *Макарий (Булгаков)*, архим. Указ. соч., с. 224—226.

⁹ *Попов Н.* Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении.

¹⁰ *Шлецер А.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. 1—3. СПб., 1809—1819; *Куник А. А.* Известия Аль-Бекри о Руси и славянах. СПб., 1878; *Он же.* О трех списках Фотиевых бесед. — В кн.: Записки императорской Академии наук, Историко-филологическое отделение, вып. VII, № 8. СПб., 1906; *Vasiliev A.* The russian attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946; *Tschizevsky D.* Russian intellectual history. München, 1978; *Obolensky D.* The empire and northern neighbours. — Cambridge medieval history. Cambridge, 1966, vol. 4, p. 1.

- ¹¹ Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880; *Васильевский В. Г.* Сочинения. Т. III. СПб., 1912, с. СХХ.
- ¹² *Иловыйский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1882; *Голубинский Е. Е.*, Указ. соч.; *Пархоменко В. А.* Начало христианства на Руси. Полтава, 1913; *Мошин В. А.* Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. Byzantino-Slavica, 1934, т. 4; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1, Париж, 1959; *Andreyev N.* Pagan and Christian Elements in Old Russia. Slavic Review, Washington, 1962, vol. 21, N 1, p. 16-23; *Vernadsky G.* The problem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area. — American Slavic and East European Review. Urbana, 1949, vol. 8, p. 1—9; *Vernadsky G.* Ancient Russian. New Haven, 1964.
- ¹³ *Макарий (Булгаков)*, архим. Указ. соч.; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XIII в. СПб., 1913; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953; *Левченко М. В.* Очерки истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования Древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958; *Он же*, Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; *Он же*. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; *Шабатин И. Н.* Основные проблемы истории раннего христианства в нашей стране. Машинопись. Москва, 1965; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
- ¹⁴ *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. — Журнал Министерства народного просвещения, 1903—1904, т. CCCXIV—CCCLIII; отд. изд. — Пг., 1915.
- ¹⁵ *Карташев А. В.* Указ. соч., с. 76—92.
- ¹⁶ *Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования Древнерусского государства, с. 817—819.
- ¹⁷ *Горский А. В.*, профессор протоиерей. История Церкви Русской. — ЖМП, 1976, № 1, с. 62.
- ¹⁸ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1964, с. 331; *Бернштейн С. Б.* Константин-философ и Мефодий. М., 1984, с. 26 и след.
- ¹⁹ Сказания о начале славянской письменности. Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1981, с. 118.
- ²⁰ Там же, с. 77.
- ²¹ Об этом говорится только в Итальянской легенде. См.: Сказания о начале славянской письменности, с. 114 (комментарии Б. Н. Флори).
- ²² Сказания о начале славянской письменности, с. 78.
- ²³ Там же, с. 85.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 78.
- ²⁶ *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмен. М., 1885, с. 73—74.
- ²⁷ *Ламанский В. И.* Указ. соч. ЖМНП, 1904, № CCCLII, с. 222.
- ²⁸ Сказания о начале славянской письменности, с. 83.
- ²⁹ *Ламанский В. И.* Указ. соч., с. 222—223.
- ³⁰ Там же, с. 237—238.
- ³¹ *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 332; *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии. Советская археология, 1975, № 3, с. 70 и след.
- ³² *Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia. Byzantium, XV, Boston, 1941, p. 70.
- ³³ *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 332.
- ³⁴ *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе. — ЖМНП, 1908. XIII—XIV, с. 370—371.
- ³⁵ См.: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 49.
- ³⁶ Под рекой Дуна следует разуметь Дон или Северский Донец. (*Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, с. 764).
- ³⁷ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 764—765.
- ³⁸ *Рыбаков Б. А.* Русские земли на карте Идриси. Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК), 1952, № 43, с. 17.
- ³⁹ *Гаркави А. Я.* Указ. соч., с. 55, 68—69 и др.
- ⁴⁰ Повесть временных лет, т. I, М., 1956, с. 12.
- ⁴¹ *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., с. 43; *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды, приложение, табл., с. II, с. 158; *Карташев А. В.* Указ. соч., с. 57; *Талис Д. Л.* Росы в Крыму. Советская археология (СА), 1974, № 3, с. 87—100.
- ⁴² *Карышковский П. О.* Лев Днякон о Тмутараканской Руси. — В кн.: Византийский вренник (ВВ), 1960, XVIII, с. 39—51; *Талис Д. Л.* Указ. соч., с. 90.
- ⁴³ *Карышковский П. О.* Указ. соч., с. 46.
- ⁴⁴ Там же, с. 40.
- ⁴⁵ *Ловмянский Х.* Указ. соч., с. 195.

- ⁴⁶ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 368.
- ⁴⁷ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. — История СССР, 1982, № 4, с. 150—159.
- ⁴⁸ Артамонов М. И. Хазарский каганат. — В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв., с. 722.
- ⁴⁹ Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), 1941, № 6, с. 205—212; *Он же*. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница. — МИА, 1958, № 62, с. 345.
- ⁵⁰ Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935; *Он же*. Саркел — Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62, с. 7—84.
- ⁵¹ Флеров В. С. Славянское поселение VIII—IX вв. и станицы Богоявленовки. — СА, 1971, № 2.
- ⁵² Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. — В кн.: Краткие сообщения Института археологии (КСИА), 1968, № 113; *Он же*. Раннесредневековое селище у деревни Героевки. — СА, 1969, № 1, с. 167; Щеглов А. Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма. — СА, 1970, с. 254—261; Талис Д. Л. Указ. соч., с. 88 и след.
- ⁵³ Щеглов А. Н. Указ. соч., с. 259.
- ⁵⁴ Талис Д. Л. Указ. соч., с. 89.
- ⁵⁵ Материалы разведок В. И. Чалого не опубликованы, хранятся в фондах Азовского краеведческого музея.
- ⁵⁶ Рыбаков Б. А. Русские земли на карте Идриси, с. 17.
- ⁵⁷ Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике. — ВВ, 1895, 2, с. 186.
- ⁵⁸ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 55.
- ⁵⁹ Артамонов М. И. Хазарский каганат, с. 699.
- ⁶⁰ Сказания о начале славянской письменности, с. 85.
- ⁶¹ Цит. по: Карташёв А. В. Указ. соч., с. 85—86.
- ⁶² Левченко М. В. Указ. соч., с. 168—169.
- ⁶³ Макарий (Булгаков), архим. Указ. соч., с. 228.
- ⁶⁴ Горский А. В., прот. Указ. соч., с. 62.

Воскресение Христово

Пятидесятница

Св. Стефан Первомученик

Успение Божией Матери

Нательный крест (Византия VIII—IX вв.)

из грунтового могильника у поселка Рогожино Азовского района Ростовской области

Четыре верхних фото — к ст. Ю. П. Аввакумова «Иллюминованный миссал XV века», сс. 280—283; два нижних — к ст. иерод. Никона ««Фотиево» крещение славяно-россов...», сс. 27—40.